ТРЕБУЙТЕ
ЧУЛКИ СТАРЪ
2140

Утренній выпускъ.

Объявленія за строку петита или заним. ею мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 Л. 40 с. 70 руб.), предл. груда 14 с. (7 р. позади текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для заграницы 10 амер. цент. за строку

СЕГОДНЯ

№ 20. **выходитъ утромъ и вечеромъ.** **9-й г. изд.**

Среда, 26 января 1927 года.

Цѣна номера въ Латвіи 16 сант. 8 р., въ Литвѣ за оба изд. **60** цент., въ Польшѣ за оба изд. **50** грш., за утр. **30** грш., за воскр. **35** грш. **Подп. плата на „Сегодня" въ мѣсяцъ** (за 7 ном. въ нед.) въ Латвіи 7 Л. 50 с. (175 р.) загр. 5 Л. 20 с. (260 р. или 1 амер. долл. **Подп. пл. на „Сегодня" и „Сегодня Вечеромъ"** (13 ном. въ нед.): въ Латвіи 5 Л. 75 с., заграницей 8 Л. 50 с. или 1,70 америк. долл. Редакція: **Рига, Мельничная 57** (уг. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733 и 22134: ночн. ред. — 21225. Главн. контора и экспедиція: **Рига, Мельничная ул. 57.** Тел. конторы 21030, тел. рекл. отд. 21225.

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

Переломъ въ моемъ творчествѣ.

(Отрывки воспоминаній.)

Чудеса Художественнаго Театра. — Мои первыя пьесы. — Нелегальная поѣздка въ Москву. — «Иванъ Мироныčъ» въ Художеств. Театрѣ. — Новое заключеніе въ тюрьму. — Покушеніе «союзникова». — Уходъ изъ «Знанія». — На положеніи эмигранта.

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ по провинціи шла уже упорная молва о чудесахъ новаго Московскаго Художественнаго театра. На афишахъ мѣстныхъ театровъ уже красовались рекламы: «Поставлено по образцу Московскаго Художественнаго театра!» Побывавшіе въ Москвѣ провинціалы привозили домой восторженныя впечатлѣнія отъ видѣнныхъ тамъ постановокъ. И вотъ еще въ Минскѣ у меня появилось желаніе написать пьесу для чуднаго театра. Двѣ мои попытки еще въ Минскѣ успѣхомъ не увѣнчались: написанныя мной тамъ комедіи «На дворѣ во флигелѣ» и «За славой» оказались, по отзыву г. Станиславскаго, написанными наполовину по новому, а наполовину — по старому, т. е. по школѣ Островскаго, а потому и не подошли къ новому театру. Эти пьесы я отдалъ въ театръ Корша и, страшно огорченный, написалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ третью — «Евреевъ», чему помогли вывезенныя мною изъ «черты еврейской осѣдлости», гдѣ мы прожили около пяти лѣтъ, впечатлѣнія. Снова неудача: во первыхъ, — нецензурно, а во вторыхъ... неподходящая тема для такого театра. Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ, я, быть можетъ, и излѣчился-бы отъ драматургической маніи, но я своими глазами узрѣлъ «Московское чудо» и снова заболѣлъ драматургіей... А случилось это вотъ какъ.

Возбужденные однимъ изъ разговоровъ съ заѣзжимъ москвичемъ о театрѣ, мы съ Горькимъ рѣшили поѣхать, вмѣстѣ съ женами, въ Москву смотрѣть «чудо». Я былъ тогда все еще гражданиномъ ущемленнымъ: не имѣлъ права жительства въ столицахъ. Рискованно было ѣхать, но любопытство побѣдило. Москва — какъ море, но я буду тамъ — какъ щепка. Прописываться не буду. Гдѣ день, гдѣ ночь. Соблазнился еще и тѣмъ, что въ это время въ Москвѣ гостилъ А. П. Чеховъ, въ котораго я былъ влюбленъ съ первой встрѣчи въ Крыму... И вотъ поѣхали...

Ошеломляющее впечатлѣніе! Шли «Одинокіе» Гауптмана». Никогда въ театрахъ я не видалъ такой правды жизни на сценѣ. Точно тайно подсматриваешь въ чужой семейной домъ! Послѣ театра всѣ поѣхали къ Антону Павловичу пить чай. На «Дядѣ Ванѣ» сидѣли въ одной ложѣ съ Антономъ Павловичемъ.

Авторъ пьесы скромно прятался въ глубинѣ ложи, а М. Горькій сидѣлъ впереди и въ антрактахъ дѣлался предметомъ общаго вниманія публики. Молодежь хлынула въ бельэтажъ, мы съ Чеховымъ нырнули въ директорскую ложу, куда вскорѣ вошелъ и М. Горькій. Публика запрудила весь коридоръ и аттаковала ложу Не А. П. Чехова, а М. Горькаго жаждала она увидать поближе. И вотъ М. Горькій вышелъ къ публикѣ и сказалъ:

— Что вы пялите на меня глаза? Я не балерина и не утопленникъ.

Публика неистово рукоплескала. Тогда Горькій снова:

— Чему хлопаете! Погодите, — напишу вотъ пьесу, тогда и хлопайте!...

Публика обидѣлась и стала быстро расходиться...

Вернулся домой и рѣшилъ снова писать пьесу. И добился таки! Написалъ и отправилъ Антону Павловичу. Очень скоро получилъ и отвѣтъ: «Ваша пьеса мнѣ очень понравилась. Читалъ и много смѣялся. Надо ее непремѣнно поставить. Пишу Немировичу. Только заглавіе надо, по моему, измѣнить Публика всегда придирается. Посмотрятъ пьесу и скажутъ, а гдѣ-же новая жизнь-то? Надо давать нейтральныя заглавія, ничего не обѣщающія впередъ. Пьеса называлась сперва «Новая жизнь», я перемѣнилъ заглавіе и назвалъ «Иванъ Мироныčъ». Когда я читалъ пьесу труппѣ, всѣ артисты хохотали и даже каменное лицо Владиміра Ивановича Немировича - Данченко то и дѣло оживлялось улыбочками... Пьесу приняли и поставили Въ 1904 году я сдѣлался, наконецъ, полноправнымъ гражданиномъ, и мы переѣхали на жительство въ Москву, въ знаменитые «Гирши».

Въ воздухѣ пахло уже революціей. Неудачи японской войны будоражили общественные круги недовольствомъ авантюрою и радовали революціонеровъ, жаждавшихъ пораженія, злорадствующихъ и приготовляющихся къ жатвѣ. Ленинъ уже поучалъ дѣлу вооруженнаго возстанія и перманентной революціи. Кое-гдѣ вспыхивали такъ называемые «аграрные безпорядки». Разгромили сахарный заводъ Терещенки. Дѣло разбиралось въ Глуховѣ и я впервые выступалъ тамъ защитникомъ крестьянъ: сперва явился просто въ качествѣ корреспондента, но внезапно заболѣлъ присяжный повѣренный Л. А. Купернникъ и передалъ мнѣ защиту своей группы обвиняемыхъ. Вынесенныя изъ Глухова впечатлѣнія дали мнѣ матеріалъ для повѣсти «Мятежники» и пьесы «Мужики», оставшейся подъ запретомъ цензуры. Самое дѣло описалъ въ спеціальной брошюрѣ подъ заглавіемъ «Въ сахарномъ королевствѣ»...

Въ Москвѣ пережилъ первую революцію, съ ея вооруженнымъ возстаніемъ и, вскорѣ послѣ манифеста, со всѣми свободами, попалъ въ одиночное заключеніе въ Бутырскую тюрьму! И снова по недоразумѣнію...

Въ Химкахъ подъ Москвою происходилъ тайный съѣздъ «Всероссійскаго крестьянскаго союза». Ну, какъ не полюбопытствовать? Бывалъ въ Химкахъ. Послѣ манифеста съѣздъ былъ переведенъ въ Москву и происходилъ такъ сказать, на незыблемыхъ началахъ гражданской свободы. И я продолжалъ посѣщать засѣданія съѣзда, гдѣ было очень много любопытнаго для бытового писателя. И вдругъ, дня черезъ четыре-пять послѣ манифеста, обыскъ съ жандармами подъ руководствомъ судебнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ г. Головни, арестъ и одиночное заключеніе! Я считаю это недоразумѣніемъ, жду, что вотъ-вотъ придутъ, извинятся и выпустятъ на свободу. Посылаю протесты прокурору, ссылаясь на Высочайшій манифестъ, — никакого вниманія... Вотъ тебѣ и незыблемыя основы!

На допросѣ разъясняется въ чемъ дѣло: меня обвиняютъ, вмѣстѣ съ прокуроромъ Сталемъ, агрономомъ Тесленкой и еще нѣкоторыми лицами, въ организаціи нелегальнаго съѣзда и пр. Спустя двѣ недѣли недоразумѣніе разъясняется, судебный слѣдователь меня освобождаетъ, я собираю уже вещи, чтобы выйти на свободу, но мнѣ даютъ подписаться подъ объявленіемъ градоначальника, барона Медемъ, который въ силу какой-то статьи оставляетъ меня въ тюрьмѣ за градоначальствомъ!... Тутъ ужъ терпѣніе мое лопнуло, и на помощь я призвалъ старую знакомую автора «Оды»: написалъ и, при свиданіи съ женой, передалъ чрезъ нее въ «Русское Слово» для напечатанія такое стихотвореніе:

Конституція прекрасна, но баронъ нашъ очень строгъ!
При «незыблемыхъ основахъ» посадилъ меня въ острогъ.
И сижу я въ «одиночкѣ» съ конституціей моей,
А какъ стихнетъ въ часъ полночный при жимаюсь крѣпко къ ней...
Что жъ она? Дрожа отъ страха, тихо шепчетъ, что Медемъ
Ей сказала: «Смотри, мерзавка, я тебя поймаю — съѣмъ!..»

Стихи напечатали, а черезъ нѣсколько дней я былъ на свободѣ!..

Разница все-таки большая: до манифеста за «Оду» попалъ въ тюрьму и потомъ въ ссылку, а теперь изъ тюрьмы выпустили! Но тогда этого не оцѣнилъ... Была и еще разница: когда впервые меня выпустили изъ Нижегородской тюрьмы, я попалъ лишь подъ особую опеку полиціи, а теперь «Союзъ русскаго народа», недавно устроившій убійство среди бѣла дня корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» г. Іоллоса, и меня приговорилъ къ смерти, о чемъ любезно и предупредилъ, прославъ мнѣ на домъ приговоръ, скрѣпленный печатью съ черепомъ и двумя костями подъ нимъ. Сперва я не повѣрилъ: морочатъ, молъ. Но совершилась неудачная попытка — покушеніе на меня ночью, при возвращеніи на Малую Никитскую, гдѣ мы тогда жили, и мои близкіе и друзья моментально выпроводили меня въ Петербургъ. Туда-же вскорѣ перебрались и вся семья моя. Жена, успѣвшая кончить драматическую школу при Московскій Филармоніи, поступила артисткой въ театръ В. Ф. Коммисаржевской, а я окончательно превратился въ петербургскаго писателя...

Революція 1905 г. какъ-бы раскалываетъ мою жизнь и творчество на двѣ половины. Этотъ расколъ начинается полнымъ разрывомъ нашего литературнаго кружка съ М. Горькимъ и его «Знаніемъ»...

М. Горькій, примкнувшій къ первому Ленинскому опыту превращенія революціи въ перманентную, послѣ кровавой неудачи Московскаго вооруженнаго возстанія, бѣжитъ изъ Россіи и осѣдаетъ на прекрасномъ островѣ Капри. Тамъ онъ окончательно замыкается въ партійно - большевистскій кружокъ, дѣлается буквально плѣнникомъ Ленина, Луначарскаго, Богданова и прочей компаніи. Однако, права редактора и хозяина издательства онъ продолжаетъ удерживать за собою и мы, писатели, начинаемъ чувствовать надъ собою очень прозрачную опеку съ острова Капри. Ссылаясь на неудобства отдаленнаго редактированія, мы избираемъ въ редакторы Л. Н. Андреева. Горькій сперва соглашается, но потомъ передумываетъ. Тогда всѣ писатели покидаютъ одинъ за другимъ «Знаніе», и Горькій остается самъ другъ съ Пятницкимъ. Издательство поступаетъ въ полное распоряженіе большевиковъ.

Я всѣ свои изданія передаю «Московскому Книгоиздательству» и сотрудничаю въ его сборникахъ «Земля» и главнымъ образомъ въ «Вѣстникѣ Европы». Теперь я — самъ по себѣ!

Въ душѣ и творчествѣ наступаетъ крутой переломъ, переоцѣнка всѣхъ революціонныхъ цѣнностей, своей жизни, своего міропониманія и міроощущенія, чему особенно способствуетъ пережитая вскорѣ послѣ революціи личная драма: потеря матери. Она умирала отъ рака печени въ неописуемыхъ мукахъ. Двѣ недѣли я провелъ около умирающей. Въ минуты утиханія мукъ она торопилась вспоминать всю прожитую нами жизнь, точно хотѣла пережить все сначала. Это было и такъ трогательно и такъ мучительно тяжело. И какъ-то самая жизнь человѣческая предстала предо мною во всей ея роковой трагичности... Умерла мать и словно фундаментъ моей собственной жизни обрушился... Предсмертныя бесѣды матери какъ-бы впервые заставили меня оглянуться на весь пройденный путь жизни, почувствовать малоцѣнность революціонной суеты суетъ и тѣхъ произведеній, въ которыхъ художественное творчество пребываетъ въ плѣну общественныхъ тенденцій...

Наступаетъ рѣзкій переломъ въ моемъ творчествѣ... Писатель - художникъ побѣждаетъ писателя общественника... Я чувствую себя такъ, словно только теперь получилъ писательскій аттестатъ зрѣлости. Къ этому новому періоду своего творчества я отношу книги «Цвѣты воспоминаній», «Плѣнъ страстей человѣческихъ», «Волжскія сказки», романы «Юность», «Изгнаніе», «Возвращеніе» и «Семья», составляющіе четыре части семейной хроники, повѣсть «Опустошенная душа» и написанныя уже въ изгнаніи книги «Звѣрь изъ бездны», «Мой романъ» и всѣ послѣдніе разсказы...

И такъ — начинается вторая половина жизни — отъ переѣзда въ Петербургъ до вынужденнаго побѣга съ родины и остатокъ недожитой жизни на положеніи эмигранта...

О ней — послѣ. Пока кончаю на полдорогѣ...

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

Прага, 1926 г.